

Марципаново-восторженный, шипуче-ускользающий локусовый лимонад

Их тогда и собралось-то всего трое, почти что святые, хотя и не совсем: Том, Тим и Мим. Конечно, если быть точным, то их было даже двое, не считая этой маленькой хвостатой обезьянки. Мим был забавен до чёртиков: корчил рожи, строил рожки и вообще всячески из себя выбражал. Но, задействуя фрукты, среди которых значились и обезьяно-любимые кокосы для подкормки Мима, друзья приманили мартышку в свою безудержную поездку, обещавшую стать по-настоящему чудесной.

Стрелую стремглавою несутся они вдоль пыльных дорог на запад, запад и только запад, к этому всеугасающему горизонту заката - туда, где мнится начало завтрашнего будущего дня, ибо влечёт их за собой горизонт солнца - куда-то за гасимость его бежево-фиолетовых с оранжевой проседью лучей. А вокруг - ну кто бы мог подумать, что это Америка - такая разруха, будто вовсе и не иссиня-чёрный кадиллак, возвышенно-легендарной птицею пролетающий вдоль равнин южных штатов, а кривая карета среднеазиатских кочевых ханов своими короткими скрипучими перебежками до сбора дани обретает наконец-то понимание новых земель для ещё предстоящих странствий.

Если благоустроенный север хоть раз бы поглядел сюда, в долину выжженных трав и сине-серых пиков далёких гор, то, наверное, уж никогда бы он не стал прежним и не обрёл покоя, ибо, кроме ветров американской свободы - свободы с порохом патриотизма - здесь, в общем-то, и ловить особо нечего. А словив таковой впервые, уже не осядешь в уютных конурах этих стеклянных джунглей, заросших, точно столбы устремлённых к Луне или Марсу ракет, острыми, как у снежинок, иголочками замороженного стекла пронзивших земную твердь и обратным концом своим вознёсшихся в небо. Нет, не стал бы ты обитать в этом смутном лесу отражений, как кривоклювый, но прозорливый кондор устремился бы исследовать мудрость чуждых территорий, летать, кружить над их полями под искристою гладью американского неба.

Будто бы кусок нашего флага, оторвавшись ненароком от порыва ураганных ветров, дующих вечно из Канады, влача за собою осиные талии мусорного роя торнадо, застелил вдруг своею чистотою, начисто лишенной красно-белой тигристой полосатости, всю поверхность купола, засиял над головами американцев орденами, сложившимися созвездиями, известными ещё с Древности. Как будто умные и голозадые эллины или римляне, или какие-нибудь там ещё, прости пресвятая Дева Мария, вавилоняне, предчувствуя доносящиеся с небес знамения прихода новой державы на Земле, явление народу огромной сильной и гордой империи тогда безвестного заокеанского континента, заранее, за тысячи лет склоняли головы перед новым соседом будущего, внося свои наброски зодиакального круга в проект нашего безгранично-вселенского флага, расстелившегося, как цирковой холст всех дирижаблей планеты, над торчащими из бочек, будто из шкурки суринамской

пипы, головастиками лысин философов Древности и алхимиков Средневековья - всё для того лишь, чтобы однажды вложить эти звёзды в выбеленные локоны седин старины Вашингтона.

... - Эх, и какие только случаи не рождает наша родная земля. - Том, наконец-то, прекратил рассуждать и впился в руль. Мим на заднем сиденье подпрыгивал и обеспокоенно оглядывался по сторонам. Ему было невдомёк, что скорость их непроницаемо лакового кадиллака давно уже превысила двести миль в час, поскольку чуть чуть, ещё бы чуть-чуть, и они опоздали бы на очередной фестиваль, по югу гоняясь за призраком севера. Да, где-то далеко, в нескольких сотнях миль к западу и тысячах миль к северу от них, колесят чрез Огайо, Иллинойс, Миннесоту - и ещё «далее», возвращаясь домой, такие же безумные фрики, как и Тим с Томом, то там, то сям оставляя за собой следы произошедших феерий. Эта компашка из тех ещё заядлых циркачей, и где-то там же и точно так же, как и Том, вцепившись в руль, скрипит выпирающими улыбающимися зубами взвинченный Нейл Кэссади. Господи! Нейл! Герой-звезда стильных фильмов пятидесятых, столь обожаемый нынешним, уже успевшим всего лишь за десятилетие стать преуспевающим, офисно-самовлюблённым и грузно-нагамбургеренным, бит-поколением, так и не успевшем понять, что да как в этом мире. А тогда они ещё - зелёно-огуречная молодежь с пафосными волосами на лаке и бриолине, гордой походкой вышагивающие из раскрытых дверей столь же с виду набриолиненных кабриолетов, пританцовывали себе под лёгкие джазовые ноты и коктейльчики с лаймом, носили костюмы с иголки да модно крутили на танцполе с легкомысленными кудрявыми девчонками из ближайших школы, колледжа или университета. И кто они все теперь?

Бит-поколение кануло в Лету, утонуло навеки в водах Стикса, им пришлось уступить новым идеям, новым взрывным охотникам за внеземным разумом, распускающимся откуда-то изнутри и несомым уверенными плотиками бумажных квадратиков в бурный океан - кого? - Будд и безумцев, проповедников и законченных психов, гениев и шизофреников, ведь всё смешалось в экстатических головах первооткрывателей новых граней себя. Как палкой, намутил эту воду просветлённый в своём сумасшествии Тимоти Лири. Но нет, нет, что же вы! Как вы могли, как вы могли? Гуру, гуру, конечно же! Или всё-таки... А хрен его знает, не всё ли равно?

Ребята из тех, кто давным-давно уже забыл самих себя в новом устремлении не то, что на Луну - а за даль во много-много световых гипер-супер-парсеков, путешествуя на всё тех же кадиллаках, фордах, крайслерах и понтиаках, забредали на своих облюбованных дорогих тачках ещё запредельнее: в такие дали, в такие святые места, в такие адские дебри, где ещё никогда не ступала нога западного человека. И вот, в самый эпицентр этого самого настоящего Sabbath, да-да, этого возрождения средневековых шабашей и безумия пира восторга - или чего ещё - неслись друзья под крыльями дыхания приключений, сопящих им прямо в спины. Тим, как всегда, был просто до невероятности растопырен и ещё оказывался в довесок донельзя растарашен, а оттого делался неповоротлив и нерасторопен, но зато невыносимо болтлив. В

конце концов, друзья остановили чёрный кадиллак и принялись присматриваться к закатному солнцу, западающему, точно десять центов, за кривые челюсти гор.

- Ну вот, день покупает себе пропуск, чтобы умереть и вновь возродиться... всё едино. Так ты кидаешь жетон в метро, а эти горы - видишь - кидают солнце за горизонт. И вот он, вот он, билет в новый день. Чтобы настал новый день, нужно расплатиться солнцем. По-моему, всё логично.

- Ты, давай, не философствуй, у нас двигатель заглох. - Том выхватил рукоятку, начав её активно накручивать спереди от автомобиля. - Чёрт, если мы тут застрянем... А ночью тут, один хрен, дуба дать можно - не с холода, так с аппетита местных койотов и горных пум.

- Ага, ага, а потом орлы глаза выключают.

- Давай не начинать, во имя Махамудры.

- Давай не начинать, давай не начинать... - Тим вылез из машины и пнул острым носком крокодиловых сапог заднее пыльное колесо. Мартышка Мим на заднем сиденье распрыгалась и принялась громко верещать. Крики мартышки отпугнули суслика, высунувшегося в это время из норки, который спрятался как раз в тот самый момент, когда хитро летевший кондор хотел было уже спуститься за своей новой добычей в виде того самого суслика. Эта секунда так сильно повлияла на кондора, что последний, в своём полёте разинув клюв, ввинтился напрямик в сусличью норку, откуда начинался проход в неизведанные дали, связывающие нас корнями произрастающих трав и деревьев с самыми тамошними глубинами, даже с магмой земли. В этот миг что-то громко пыхнуло, пёрнуло, хлопнуло, затряслось, раздался оглушительный треск и повалил чёрный выхлоп. А уже спустя несколько мгновений лакированная двухполосчатая красавица с независимыми подвесками во всю продолжала нестись в сторону заката.

- Чёрт, они же там, там, где-то далеко справа этот долбаный автобус! Нет, не могу успокоиться, ну-ка, включу радио. - Тим разгладил свой дикобраз волос - ёжик - это было бы мягко сказано - и покрутил ручку радиоприёмника. Помаргивая разноцветными индикаторами глаз, как на мордочке у робота, полились струны тёплого лампового звука радиостанций. Самозабвенно напевал Скотт Маккензи: *«Если ты едешь в Сан-Франциско, вплети скорей цветочки в волоса. Если едешь в Сан-Франциско, добрых людей ты встретишь там...»*

- Уууу, ууу, уууу... - смакуя каждый полутон, принялся подпевать Тим.

- Да заткнись ты уже! - одёрнул его Том. Заорал в ответ Мим.

- О, Богородица и двенадцать апостолов, эта твоя вечно упоротая обезьяна меня точно сегодня уделает, вот увидишь - настоящий сердечный приступ хватит с её выходок. А виноват будешь ты, ты, слышишь?

- Проклятье. Мы же совсем забыли про Мима!

- Ты бы лучше волнистого попугайчика себе завёл. Или щенка. Или кролика. Или черепаху. Или любовницу. Но не обезьяну же! Сукин ты сын, Том, я всегда подозревал, что ты какой-то извращенец, а теперь вот прозрел, кажется!

Ну конечно, вы же ещё не слышали историю этого хвостатого прохвоста Мима? Дело было поразительным. Когда Том привёз к ветеринару свою старую и уже, в общем-то, подводящую итоги последним мгновениям жизни таксу, а врач лишь развёл руками, признав, что такса впрямь очень, даже излишне старая, и тут уж, как говорится, ничего не попишешь, то вдруг раздался небывалый шум, а из соседней комнаты выбежала чья-то цирковая обезьяна, разодетая в клетчатые шорты. Она громко верещала и кашляла - ей только что поставили некий мартышко-целебный укол.

В общем-то, с ней была полная ерунда - ангина или что-то типа того, но выступать обезьяна уже не могла и только сипло хрипела. Тотчас проследовала толпа ветеринаров, принявшись носиться за зверьком из угла в угол, выхватив что-то наподобие огромного сачка, куда и предполагалось эту любезную обезьянку поймать. Спустя полминуты мартышке надоело прятаться за мебелью и она, выбежав из коридора, догадалась укрыться за спиной Тома, со страхом поглядывая на своих преследователей. Спустя ещё примерно - или точно, кто знает - ноль целых пять десятых секунды после этого знаменательного события, светлую голову Тома посетила гениальная идея, какое бы животное смогло идеально заменить его старую вытянутую сучку с ушами. Так в доме Тома поселился Мим.

- Пстой, пстой, а циркачи?

- Какие ещё циркачи? - отмахнулся Том.

- Ну те, которые обезьяну привели?

- Да не было никаких циркачей!

- Откуда-то ведь она там взялась, в ветклинике-то?

- Просто бегала туда-сюда из кабинета в кабинет.

- Ааа... всё понятно. - Тим решил дальше не продолжать разговор на эту тему потому, что ему а самом-то деле было совершенно пофиг, откуда взялась обезьяна. Главное - она откуда-то взялась и теперь вот нехило ему докучала.

Штат Техас встретил друзей небывалой жарой.

- И ведь где-то там, может, у кромки Великих озёр так и трясутся себе эти разукрашенные психи во главе с отцом кукушки - Кизи. Нет, вот ведь фрики чёртовы, понесло их через всю Америку - в Нью-Йорк и обратно! Цыганское племя скитальцев.

- Ага, а мы с тобой так не фрики! - парировал Тим.

В этот самый момент Маккензи в утробе приборной панели автомобиля окончательно обрёл уверенность и с пророческим пиететом голоса безграничной свободы провозгласил очередной куплет: *«Сквозь всю нацию - странная вибрация. Люди в движении. Целое поколение с новым мировоззрением. Двигутся люди, люди в движении...»*

- Слушай, а может, ну их всех в чистилище? Кэссади, Баббса, Горянку, Сэнди...

- А, посмотрим. - махнул рукой Тим. - Зато без Аузли их праздник был бы совсем не тот!

- Вот и я тебе о чём! Хватит и одного Аузли среди всех них.

И тут снова затрещал лампами радиоприёмник - на этот раз на уши Тома и Тима выпал довольно бодрый и немного блюзовый хит сезона в исполнении Джима Моррисона: *«Покажи мне путь до следующего виски-бара. И не спрашивай почему, и не спрашивай почему...»* Друзья подумали - все, за исключением Мима, у которого думать пока что получалось ещё не очень хорошо - и решили, что с этим - да - с этим предложением посетить виски-бар, пожалуй, можно было бы согласиться. Прошло ещё полчаса, и они, громыхая жестяной всего днища чёрного, как лаковый ботинок или промасленная ворона, кадиллака, направлялись в сторону ближайшего питейного заведения. Над входом в бар поскрипывала овальная вывеска на цепочках с изображением мускулистого увальня, явно не обременённого интеллектом, зато сполна увешанного пушками. Надпись на вывеске гласила: «Серьёзный Сэм». Внутри заведения у барной стойки работал официант - пожилых лет негр, или, как их с недавнего времени стало принято называть - афроамериканец - в клетчатом, как у Мима, фиолетово-вишнёвом жилете. В виски-баре играли патефоны, исполняя что-то безбашенно-весёленькое, кажется, из репертуара Чака Берри.

- А может, и Пресли. - сказал Тим.

- А может, и Пресли. - согласился за ним Том.

- Старина Джефф, кого я вижу! - пошёл обниматься господин в коричнево-сером пиджаке и широкополой шляпе, нетрезвой походкой направляясь от входа напрямиком к барной стойке. Чернокожий бармен заулыбался ярко-белым оскалом, который было заметно прежде всего, а только потом уже и остальной контур Джеффа - и всё это из-за царившего в баре накуренного сигарного полумрака. Из уст господина в широкополой шляпе потянулись вереницы приветственных возгласов, перемежающихся с пьяным всхлипыванием. В это же время подул изрядный ветер. Над головой бармена принялась раскачиваться тускло чадившая лампочка ватт на двадцать-тридцать.

- Вот ведь дыра хренова, куда это мы твоей раздолбайской воле забрались? - проворчал Том.

- Брюзга ты, это же жизнь, и здесь она только начинается. Ставь стакан!

Два часа адской попойки - и вот уж снова лишь ветер свистит в ушах и головах искателей запредельных ощущений на просторах Америки, рассекающих за рулём самые южные её штаты.

- Охренеть! Ты только вдумайся: «Его звали Джефф». - высказался вдруг Тим.

- Кого? Ах, ну да, бармена-то этого чёрного. Да, Джефф - и дальше-то что? - насупленно из-под густых бровей взглянул Том на откинувшегося на сиденье улыбающегося Тима, забросившего ногу за ногу и совсем уж поэпикурейски задравшего голову повыше на спинку сидения, открывшись навстречу палящему солнцу и столь же знойно-пустынному ветру юга.

- «Его звали Джефф». Звучит, как название дешёвого бульварного детектива.

- Ага, звучит. Ещё как.

- Эй, Том, Том! Может, мне писателем стать, а? Записать вот это вот

всё, что с нами тут сейчас творится. Представь себе, а? Нет, ты только представь: вот эти самые мгновения, которые сейчас вокруг нас проходят - они ведь уплывают бесследно. Где они теперь? Вот сейчас это наше настоящее, а через мгновение - кто был его свидетелем, кроме нас с тобой да ещё вот этой цепкой обезьянки на заднем сиденье?

- Нас троих уже достаточно.

- Да, но это будет лишь зыбкая тень. А теперь ты представь, что один всё это наблюдаешь. Кто станет свидетелем твоего прошлого? Кто станет свидетелем прошлого моего? Или обезьяны. Чёрт, твоей обезьяны, твоей долбаной обезьяны!

- Да чьей угодно обезьяны.

- И кто тогда узнает, какое моё прошлое - для меня, а твоё прошлое - для тебя, а мартышки - для мартышки? Какими глазами наш Мим смотрит на мир?

- Глазами Мима. Это очевидно.

- Да нет, нет же, ты вникай давай, вникай.

- Проклятье, да не грузи.

- Вот он, миг настоящего. А через миг - пшик - и мига нет. И так всё время. Ты понимаешь? Вся наша жизнь - сеть из каких-то маленьких микровзрывов, отправляющих нас по кирпичикам в будущее, как будто у нас к спине приделана чёртова бертолетова соль - ты вникай, вникай - и наши микровзрывы бенгальских огней, чередуясь, заставляют того, кто ещё за миг до сейчас был в прошлом, исчезнуть там навсегда, ничего не оставив. Но зато за этот миг... Этот миг даёт нам фору, чтобы постараться прыгнуть, двигаясь вперёд, навстречу наступающему времени. Ты в него летишь, как в трубу, а она переливается, понимаешь?

- Да ты совсем рехнулся!

- Нет, скорее уж это не я, это время рехнулось. Время решает за нас теперь. Что за фигня? И кто ему позволил только, а?

- Тим. Успокойся. Ты меня от дороги отвлекаешь.

- Да нет, ты послушай, послушай. Время для нас - это как... как ракетное топливо!

- Совсем с катушек съехал...

- Но оно же толкает нас вперёд. Значит, наше будущее - это наш космос.

- Ладно. Пусть даже так-то оно так, а дальше что?

- Как что дальше? А дальше - дальше. А дальше будет дальше. Как «Далше» у этих психов на северо-западе от нас, да только не так.

- Мы догоним уже их когда-нибудь?

- Ну, может, к Сан-Франциско или хотя бы к Лос-Анджелесу поближе.

- Но только если мы упустим...

- Если мы упустим этот чудный концерт, эту адову тусовку, которую они хотят замутить вместе с «Grateful Dead»? Нет, я себе этого точно не прощу. Не прощу - ты слышишь? Я сначала тебе голову за это откушу, а затем себе.

Уяснил?

Том совсем вжал голову в плечи:

- Бензедрин и кактусы явно не пошли тебе на пользу. Тим, успокойся уже.

- Да нет, ну надо же теперь как-то после виски отходить. Мне ещё полдня руль крутить вместо тебя, как тому долбаному Кэссади в автобусе, и как он только выдерживает.

- А, ну да, я слышал, у них там какие-то совсем уж странные эксперименты...

- Экс-пе-ри-мен-та-то-ры хреновы. - проговорил по слогам Тим. - Ты смотри, смотри, опять лоскут нашего флага над головой загорается.

- О, да, эти звёзды... - с мечтательной усталостью вдохнул Том полной грудью стрекочущий воздух позднего вечера предмексиканских прерий. Мим, скрутив хвост колечком, как бодрая собака, впадал в дремоту, плашмя разлѣгшись по диагонали на бархатно-бежевом заднем сиденье, имевшем размеры небольшого частного аэродрома или поля для гольфа, какие бывают у богачей.

- Нет, вот ты подумай. Ты в Бостоне был?

- Блин, Тим, у тебя совсем фанера с роликов слетела. Как же я мог не быть в Бостоне, если мы с тобою, с тобою вот вместе и с обезьяною моею из Бостона выехали на этом вот самом грѣбаном кадиллаке.

- А ты откуда знаешь, что это был ты?

- Ну, чёрт, я ведь помню себя там, помню, как рос, в школу ходил, с друзьями на велике гонял, ещё от старой толстой училки английского миссис Блум на чердаке школы прятался, а в коллежде по ночам к девкам в общагу лазил. Были там две такие цыпы - Джессика и Кэти... Вообще, какого хрена ты спрашиваешь, Тим?

- А такого, Том. Ты лучше успокойся сам и подумай: у тебя только память. А фиг знает, вдруг тебе её инопланетяне подсадили, память эту?

- Какие ещё такие инопланетяне?

- Ну с Розуэлла которые...

- Ах ты ж, дьявол, спаси его душу! Я не читаю этих твоих дурацких жѣлтых газетѣнок, где статьи написаны неудавшимися фантастами-шарлатанами и доморощенными гадалками, сбежавшими из психушки.

- Нет, ну ты послушай, послушай, а как же? А вдруг они вообще всем там засадили, эти зелёные гуманоиды?

- Я не знаю, что, куда, зачем и кто засадил тебе, но я лично уверен, что происхожу родом из Бостона. Это и мои мама-папа подтвердить могут, в конечном итоге.

Тим щѣлкнул пальцами, вот так - щѣлк:

- Да-да, а ты уверен, что они у тебя вообще есть?

Том на этом вопросе так расвирипел, что, покрасневшись до состояния перезрелого томата, готов уже был окончательно взорваться, вылетев ошмѣтками себя через лобовое стекло. Но вовремя сдержался.

- Ну вот мы приедем туда, вот мы приедем. И что? - всё сомневался

Том.

- Как это - что? Тусовка, «Grateful Dead» и специальный апельсиновый сок.

- Да. Ну да, слышал-слышал. Специальный. Особый. Фирменный напиток «Весёлых проказников». С привкусом вселенной. Хе-хе.

- Дааа... угромыхали. Угромыхали. Эти ребята - ээээйэй - а может, их уговорить по пути завернуть куда, отойти от поездки денька на два-три?

- Может быть, может быть. Вот только как это сделать-то, если мы ещё здесь, а они-то уже почти там?

- Зато мы бы пока - хоп - да и проскочили наперёд них. Там всё бы поразведали, поразнюхали, как наши на втором фронте в сорок четвёртом? А дальше бы уже как зарядили, так зарядили! Не знаю, как ты, а я хочу вообще конкретно отлететь с Проказниками.

- Эй, Тим, Тим. Ты куда собрался?

- В шестое измерение. Строить дом своей мечты.

- Вот дьявол, дом своей мечты в шести измерениях. Это что-то новенькое, Тим!

- И снова что там будет с нами за этим поворотом, когда откроются свежавыжатые ворота в рай?

Примерно неделю спустя друзья сидели на полянке ярко освещённой рощицы где-то между Сан-Франциско и Лас-Вегасом, где решили на время обосноваться и устроить выступление герои дорог, сделавшие своей Америке кесарево сечение сперва прямиком по южным штатам, а уж затем по северным, и весьма, надо бы заметить, не без помощи цветастого школьного автобуса, мифической солнечной колесницы, на которой новые боги, глашатаи и оракулы двадцатого века совершают своё легендарное восхождение на узорно-переливчатые лабораторно-полусинтетические небеса огненно-святого Антония или даже просто велосипедного Альберта.

- Смотри-ка, а Горянка-то тёлочка, что надо. Вон, вон, так вертится под ветками. С кем из них она там мутит? Вроде бы, с этим горластым певуном Джерри Гарсией, нет? - развеселился напельсиненный Тим.

- Да хрен её знает. Со всеми потихоньку, наверное. Хиппи, травки-цветочки, свободная любовь и все дела. - у Тома внутренняя крепость циника оказалась чуть крепче.

- Теперь вот, надо же такое представить, ещё несколько дней назад мы были с тобой ещё непонятно где и как. Но!... Мы же ходили уже здесь с тобой? Вот прямо здесь ходили?

- Да, мы ходили здесь с тобой.

- А ещё раньше, помнишь, по дороге ехали. Мы же повторили их подвиг! Ах, брат, брат... Тим-Том-Мим... чёрт, обезьяна-дура, давай сюда, Мим, обнимемся все вместе! Давай сюда, брат! И что нам теперь осталось? Что нам от них теперь досталось? Гляди. Видишь вокруг? Музыка сливается в шарики, а ты в них наблюдаешь целые миры прямо от гитарных струн и усов певца. Какой же, всё-таки, странный эффект, необычный такой. Усы тянутся, нити со струнами объединяются и показывают заполненные измерениями шары, а ты в

них только бери да ныряй. Это газировка такая с ароматами сочных груш и марципана всех сортов и оттенков, да только в ней вместо пузырьков - миры. Путешествуй себе да путешествуй, если поймаешь их вдруг за шипучку.

- Тим! Тим! Тииим! Ты гений, гений! Тебе кто-нибудь говорил, что ты круче Эйнштейна. Нет? Ну так вот я тебе говорю!

- Как дельфинчик, ныряй да ныряй. И почти, как волейбол. Ты ведь, когда был маленьким, тоже носил эти дурацкие арбузные шапочки с вертолётником? Ха-ха-ха!

- Ну конечно, конечно! Мим, что скажешь? А, держи банан.

- Надо запустить этот кинематограф. Да-да-да!

- Давайте, давайте. А ты, Мим - слышишь - ты наш оператор. Держи кинокамеру. О, проклятье, хренова маргышка: что не съест, то понадкусает. Ладно, держи ты, Тим, пишем, пишем на ленту. Может, у тебя получится лучше, чем у моей ручной обезьянки.

- Ааа, смотри, Том, смотри, я ныряю в шариииик!

- Да, конечно, конечно. Эй. Эй! Тим. Тим! Вот срань господня, тебя куда это там занесло? Чёрт, Тим, ты слишком глубоко нырнул. Где мы?

- Понятия не имею.

- Нет, правда, это что, какая-то шутка?

- Да не похоже на шутку.

- погоди, если всё это бред, что ты наблюдаешь...

- Что мы наблюдаем или что я наблюдаю?

- Нет, давай исходить из того, что такую бредятину мы с тобой вместе наблюдать не можем. Потому что это полная... Да такого просто не бывает! А раз такого не бывает, значит, нам это всё снится. Но ты же не можешь быть в моём сне, значит, ты мне тоже снишься.

- Или не снюсь?

- Охренеть!

- Тим, Тим! Я вот, знаешь, думаю то же самое, только...

- Неужели ты всё это только что высказал? Да, ты высказал отражению собственных мыслей.

- Да обалдеть, как это вообще работает?

- Так, а что мы помним?

- Помним - на «тесте» у Проказников были.

- И всё?

- Ты к Горянке клеиться пытался.

- И всё?!

- Сидели...какие-то пузырьки. Так, стой, пузырьки, пузырьки. О, чёрт подери, Тим, мы же хотели обезьяну оператором поставить!

- А в результате?

- А в результате... в результате ты справился и впрямь лучше.

- О, спасибо за комплимент, ты так любезен. И всё-таки, что дальше-то было?

- Пузырь был.

- Какой ещё пузырь?

- Круглый такой пузырь в воздухе плавал, а мы про грушевый лимонад рассуждали. Сечёшь, о чём я?

- Нет. И?

- Ты в него нырнул.

- Так, если я в него нырнул, то ты здесь откуда взялся?

- Понятия не имею.

- А где камера?

- Господи! Дьявол! Ты - рассеянная задница, ты камеру потерял, урод, ах ты говнюк! Где нам её искать теперь?

- Затихни ты. Прежде чем нам с тобой куда-то бежать, нужно подумать и решить, куда и зачем. А подумать и решить мы сможем, только когда поймём, где мы сейчас вообще.

- И где мы? Может и сейчас уверенно ответишь мне, мистер Всезнайка?

- Где-то тут влипли. А честно - понятия не имею. Лес какой-то, джунгли, тропики...

- Так, ты что, хочешь сказать, что мы с тобой ехали в Калифорнию, а оказались вдруг во Флориде?

- Да хрен нас разберёт, по-моему, тут - до Флориды ещё вся Америка.

- А значит?

- А значит, а значит! А значит, мы не во Флориде, а в Калифорнии.

- Если мы в Калифорнии, то откуда тут взялись густые джунгли?

- Блин, я не знаю, Том, ты вот так тоже вопросы задаёшь...

- Упутешествовались, да потом возьми и набреди на какую-нибудь оранжерею. Наверное.

- Ну ни хрена! Какая оранжерея? Ты посмотри, вон, жук сидит с наваристого кота размером. И у него три глаза фасеточных, и по пять узких лап с каждой стороны.

- Твою налево, и то правда - жук какой-то.

- Ах ты ж, десять задниц! Кто тут ещё водится?

- Не знаю, но цветы размером с зонты впечатляют. А запах, запах, ух!

- Нет, такого определённо не бывает. Совсем не бывает.

- Бывает, бывает. Ты смотри: рассвет над головами, а вместо купола неба - большой такой осьминог.

- Какой ещё осьминог, где?

- Обычный. Тихоокеанский, но большой. Очень большой. Ещё из него дудочки какие-то торчат. Такие, с расширяющимися концами. Видишь?

- Флейты Пана? А что, похоже. Нет?

- А может, это волынка, а не осьминог?

- Ага, волынка, а играет на ней сам Иисус Христос собственной персоной.

- Да кто его знает, что он там делает. Скучно ему, наверное.

- Скучно - не скучно. Но такая громадина, это даже для него как то уж слишком, тебе так не кажется?

- А ты что, с ним лично знаком что ли? Оставь эти все пустые разговоры, Тим. Смотри, из дудочек пыльца какая-то сыпется.

- Какая ещё пыльца такая?

- А хрен её знает, только вот что тебе сказать могу: она определённо не нравится мне, пыльца эта.

- Давай тогда подойдём поближе и посмотрим.

- Конечно, это и ожидалось. Ты горазд на оччень остроумные решения.

- Да пойдём, чего терять-то?

- А вот фигушки, мне ещё пожить охота.

- Да всё это глюки. Какой ещё осьминог? Какая такая пыльца нахрен?

- Простая. Из дуделок.

- Дуделок?

- Которые у нас флейты Пана, торчащие из моллюскообразной волынки головоногого неба, на которой ещё бог играет вроде как. Что, забыл уже что ли?

- Очнись, это Калифорния. Мы в гостях у Кена Кизи и его друзей. Где-то рядом «Grateful Dead» свои песенки играют. На концерте мы, просто закимарили.

- Чёрта с два тебе, Тим, это уж явный перебор. Как мы могли закимарить, если ты мне вот сейчас всё это говоришь? А я ведь и понятия не имел о том, что именно ты мне скажешь.

- Нет, дело всё не в том. А дело всё в том, что сплю только я, а ты мне вообще просто кажешься тут.

- Да нет, это ты мне кажешься, поскольку это я чего-то дико удрыхся.

- Короче, ладно, пошли к пыльце.

- Пошли-пошли.

- Ого! Смотри-ка, это не пыльца, это пузырьки.

- Ну да, а воздух вокруг закипает, как масло на сковороде. Или грушевый лимонад с пузырьками миров - где-то мы что-то похожее уже видели, правда? Во, точно, локусовый лимонад! Прыгаешь - и ты уже не здесь. Как святые проказничьи апельсины, только ещё круче, просекаешь?

- Масло-лимонад, масло-лимонад.

- Слушай, так если мы сюда так попали, то, может, мы отсюда точно так же и выпадем?

- Как?

- Точно так же: через пузырьки, как ещё. Ты же помнишь, что попал сюда через пузырьки. Значит, и выпадать надо через пузырьки. Тим, Тим, кстати, а где мой Мим?

- Мим? Да сдалась тебе эта твоя мартышка клятая? Поди, где-то в местных джунглях обожралась фруктов инопланетных и лежит, пузом мается.

- Ах ты же, блин, мы, может, её ещё найдём.

- Не найдём, не найдём, давай, ныряй уже в пузырьки поскорее. Что

ты носишься с этим Мимом, как Керуак со своим Хозомином?

- Мим! Мииим! Мииииим!

- Нету здесь никакой обезьяны, сам ты Мим. Давай, ты будешь вместо обезьяны. Считай, что твоя человечья душа уже слилась с мартышкиной и теперь вы едины. Так ты доволен?

- Да ты циник и урод, Тим, не похуже меня самого!

- А ну и пох. Зато кто из нас мозг?

- Нет уж, я-то поразумнее и пологичнее тебя буду.

- Ты, может, и поразумнее, зато я соображаю лучше.

- Ты соображаешь лучше потому, что у тебя просто винтиков в голове не хватает. Ты слишком развинчен. Вот через эту развинченность всякая чушь и пролазит. И вообще, как ты там можешь быть уверен, что это именно ты соображаешь?

- А ты уверен, что знаешь о том, что ты знаешь, что ты - это ты?

- Хорошо. Если так: а ты откуда знаешь о том, что откуда-то знаешь?

- Господи, боже правый, всё! Нечего тут триндеть! Прыгай уже давай. А это что ещё за колыхание?

Вокруг, когда друзья оказались в этих всполохах внутри шара, было нечто, и вовсе неопишное, если только вообще возможное. Нет, мы, конечно, могли бы попробовать объяснить, какое оно такое, да только что это дало бы? Какие-то морские пучины или, быть может, огромное-преогромное платье первоклассницы, растянувшееся до размеров того самого небесного флага. Знаете ли, разве что без горошка или вообще похожее на змеящуюся волосню Медузы Горгоны? В любом случае, в этих пучинах можно было разве что отскакивать от стенок друг друга, но постоянные волны, которыми колыхалось это что-то мировое, были явно не от мира сего, точно мягко-пластмассовый гибкий желудок кашалота-робота, созданного безумным кибернетиком, начитавшимся рассказов Азимова. И этот механический желудок заставлял Тома и Тима пребывать в постоянном движении, где они имели все шансы уподобиться радиационному альфа-излучению.

- Том, Том, Том! Оглох что ли? А ты по-прежнему уверен, что это сон, а?

- Я уже ни в чём не уверен, Тим. Теперь вот мне кажется, что я - просто атом, слышишь - я ааатом. Или волна.

- Угу. Или радиоволна. Смотри, крапинками не покройся.

- Кто бы нас теперь нарисовал? Вот кто нас тут нарисует? Запомнит? А после вспомнит.

- Нарисует? Отличная идея, Том! Ты представь, только представь: мы - супергерои, путешественники по параллельным измерениям. Давай, если выберемся отсюда, будем комиксы про себя издавать.

- И что ты предлагаешь? Новые миры выдумывать?

- Зачем выдумывать? Путешествовать можно! Мы же сюда как-то нырнули.

- Как-как нырнули? Сока напилься - вот и нырнули.

- Твой прагматизм неизживен, Том! Где бы ты ещё так побывал?
- Да мне уже хватает этого охрененных размеров пододеяльника.
- Знаешь а вокруг... это как будто даже море какое-то. Может, нас просто русалки поймали, а? Или там сирены, скажем?

- Какие ещё сирены? Я чувствую, что нам в ближайшее время грозят либо медицинские реанимационные сирены, либо полицейские.

- Ага, либо и то и другое вместе взятое, кстати.

- Ну может и так быть.

- Да нет же, честно, я про древнегреческих сирен.

- Да-да-да, конечно! А ещё циклоп с ними заодно и Цирцея со Сциллой и Харибдой. Античная прям банда какая-то у тебя получается. Очнись, какое море? Древний грек хренов.

- Да обыкновенное море.

- А пододеяльник нам те самые русалочки постелили. - съёрничал Том.

- Может быть, и русалочки! Тебе почём знать? - парировал в ответ Тим.

- Или это вообще бомбоубежище такое? Точно: мы ночью заблудились в лесу, забрели, куда не надо, и провалились в бомбоубежище. И вот результат. Всё сходится, Тим.

- Откуда тут взяться бомбоубежищу? Да и не похоже, если честно, на бункер.

- Как откуда? Местные жители построили. Или военные. На случай ядерной войны. У меня в Бостоне соседи тоже себе такое выкопали около дома. Говорят, если эти чокнутые русские решат сбросить на нас атомную бомбу, то запасов убежища хватит на тридцать лет.

- Знаешь, если русские сбросят на тебя с соседями атомную бомбу, то запасы убежища вам уже вряд ли понадобятся. Я поэтому и не рою себе эти норы. Хочу чувствовать себя человеком, а не кротом.

- Сучонок.

- Зато логичный.

- А давай рыб ловить!

- Каких рыб?

- Сам же говоришь, что море. Значит, здесь и рыбы есть.

- Вдруг это не рыбы, а настоящие батискафы. И водолазы внутри сидят. Или даже космонавты.

- Вот ещё лучше, час от часу не легче!

- Вдруг космическая капсула летела-летела - и - бултых - и превратилась в батискаф.

- Ага-ага, батискаф, а там космонавты сидят, конееечно...

- Ну вот я о чём и говорю!

- Может, ты ещё жёлтую подлодку тут мне ждать предложишь, как принцессе - белого коня?

- Какой ещё принцессе?

- Которая белого коня. Повелительница коня, понимаешь?

- Понимаю. Зато теперь уже не понимаю, откуда космонавт в батискафе взялся.

- Оухх, вот всё-то тебе объясни, тем более то, что ты сам же придумал, и сам тут же позабыл. Давай рыбу ловить.

- Давай.

- А откуда начинать посоветуешь?

- Да вот, где завис, там и начинай.

- Я нигде не завис, меня сплошь с волн колошматит.

- А меня будто не колошматит! Но я же где-то вишу.

- Такое ощущение, что ты вообще всё время где-то зависаешь. Да-да, то в виски-баре, то на колёсах, то просто сам по себе. Замечал такое, а?

- Не, не очень-то. И всё-таки, что за тут вообще происходит, как думаешь?

- Знаешь, что происходит - понятия не имею, но вот рыбы тут точно нет.

- А вдруг всё это - чей-то разум?

- Ну чей это разум может быть? Ты - сам по себе, а я - сам по себе. В чьём мы разуме?

- Не знаю я. Может это разум кого-нибудь, кто выше нас, и поэтому просто так берёт и дёргает нас, как за ниточки. А мы даже и не подозреваем, точнее, подозреваем, но точно не знаем. Захотел - раз - и меня за одну руку дёрнул, тебя - два - видишь, ты ногу поднял - за ногу, значит, дёрнул.

- Я не знаю, как там твой высший разум поживает, да только вот эти самые две руки, если ты не заткнёшься, скоро сцепятся вокруг твоей шеи. И так вокруг шиза такая творится, а ты ещё всё сильнее нагнетаешь и нагнетаешь. Хватит уже с меня твоих садомазахистских замашек.

- Хорошо, хорошо, второй Фрейд нашёлся. А что ты предлагаешь, когда тебя всего носит в разные стороны, причём сразу и одновременно?

- Понятия не имею. Давай раскрасим что ли вразнос. Хоть польза будет.

- Ну давай. Только смотри не в чёрный, как «The Rolling Stones» свою красную дверь. Просто Люси в небе с бриллиантами гораздо привлекательнее, ведь правда, Том, что скажешь?

- Неужели ты готов прямо сейчас так глубоко погрузиться в воспоминания о глупых песенках, что у тебя на уме? Меломан недобитый.

- А почему бы и нет? Ты ведь и сам не любишь расплыться: вцепишься в руль и колесишь, как баран.

- Это кто - баран?

- Ты - баран, Том. Баран копытами и то лучше управится с автомобилем.

- Копытами, может, и управится, да только у меня руки, а не копыта. Не знаю, как тут можно сравнивать.

- В общем, главное здесь - не расплыться. Тогда, может быть, всплывёшь. Выбери себе то, что действительно необходимо. И никогда не сомневайся, если уже выбрал: сомневаться надо было раньше. Теперь же

остаётся только действовать, а то этак никогда ничего не сделаешь. Вот у тебя по поводу чего-нибудь возникают сомнения?

- Да вообще всего!

- А что из сомнительного сомнительнее всего?

- Сомнительнее всего - всё.

- Что, совсем-совсем всё? Во всём сомневаешься?

- Знаешь, если пять минут назад я сомневался в том, что ты существуешь, то теперь я уже сомневаюсь в том, что существую я. В чём же ещё могу здесь не сомневаться?

- Закрепляй результаты. За-креп-ляй.

- Какие?

- Ты сказал, что океан - и океан к нам явился. Вон - актинии шевелятся. Говорю же сразу - закрепляй.

- Ты что, мне предлагаешь нырять на такую глубину?

- Ну в пузырьки же мы ныряли, и вот посмотри, на какую глубину они нас завели.

- Ладно-ладно.

- И что ты выберешь - собрать форму или же разобрать её?

- В смысле?

- В смысле: тебе нужна актиния как актиния или же актиния как волна?

- Ну я не знаю...

- Но из волны ведь ты сможешь лепить всё, что угодно: хоть постройки, хоть астероиды, хоть корень собачий. А из актинии ты кроме актинии ничего такого эдакого не вылепишь.

- Зато она красивая.

- Да, красивая, переливается, смотри, как щупальцами завораживает. Ууух, ворожея хренова! Ведьма глубоководная, сколько вас тут развелось! А так-то - подумать - и что с того? Горянка тоже красивая, а имеет её Гарсиа.

- В общем, ты смотри...

- Смотри-смотри, я разделяюсь. Мне ещё пора с волной оставаться.

- С волной ему пора оставаться, с волной оставаться. - как попугай повторил Том.

- Да, я, пожалуй, ещё побуду в пучинах этих вод.

- О, чёрт! Мима потеряли, а теперь ещё и тебя?

- А что - меня? Считаю, что я никогда и не рождался. Мне тут лучше.

- Да ты уже эмбрион вылитый! Колышешься в какой-то мокрой вибрирующей хренотени, весь слипся. Посмотри на себя, в кого ты превратился!

- Я - вообще тут радиоволна. А ты, кажется, хотел к актиниям? Вот и дуй к своим актиниям.

- Ну смотри, Тим, я - вверх.

Том вынырнул спустя несколько часов от начала погружения. Он

обнаружил себя самозабвенно развалившимся прямиком на траве, когда сквозь кроны хвойных деревьев чуть ало и совсем капельку оранжевато забрезжил полупустынный калифорнийский рассвет. Лес вокруг был исполнен блестяще-радужных рос, ещё немного переливающихся и перекатывающихся, от которых вся одежда Тома отсырела, промозгла и весила теперь на несколько килограммов больше. «Эх, мне бы согреться где-то», - Том оглядел окружающие его палатки фестивальных хиппи в поисках тепла. «Кстати, а где Тим и Мим?» - ни бздыкнутого друга и ни корчливой обезьяны поблизости как-то не оказалось. «Надо бы их пойти поискать, куда они делись», - решил Том и, подпрыгивая от утреннего холода, отправился на поиски Тима и Мима.

*Белоусов Роман,
13 марта 2016 года*